

3-е издание.

НОЧЬ

ПЕРЕДЪ

РАШАДЕТЪ ВЪСЬ.

ПОВЕСТИ

Н.В. Гоголя.

КУЗНЕЦЪ ВАНЮША

БЪЛБРИСЪНКАМИ

Морятъ братъ Гоголю

Издание АФМаркса.

СЛБ.

Цѣна 10 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу

ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

Подъ редакцію В. И. Шенрока, въ четырехъ томахъ, in 8°.

„Письма“ Гоголя являются необходимымъ дополненіемъ къ нашимъ изданіямъ полнаго собранія сочиненій Гоголя. Было бы излишне выяснять здѣсь подробно значеніе, какое имѣютъ письма гениальныхъ людей къ выдающимся лицамъ своего времени. Въ нихъ возстаетъ вновь живою вся цѣликомъ, въ своихъ сокровеннѣйшихъ тайникахъ, духовная личность гениальнаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко вырисовывается изъ тумана минувшаго былая, все болѣе отходящая отъ насъ эпоха, со всеми ея яркими историческими фигурами, оставившими свѣтлый слѣдъ въ исторіи русской мысли. Такое огромное литературное, историческое и философское значеніе имѣютъ и письма Гоголя, вызывающія изъ тьмы времени свѣтлые облики лучшихъ людей его времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности ярко эти письма освѣщаютъ величавую фигуру самого бессмертнаго русскаго писателя. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и заключается несомнѣнно огромный интересъ писемъ Гоголя для каждаго образованнаго человѣка, желающаго изучить оригинальную и глубокую личность гениальнаго писателя, проникнуть въ тайникъ его сложной души. Значительной подмогой при этомъ читателю, въ случаяхъ нѣкото-

рыхъ сомнѣній и неясностей, вызываемыхъ неизвѣстными читателю условіями той эпохи и иногда частными личными подробностями писемъ,—служатъ обильныя примѣчанія и комментаріи редактора, разсѣяныя во всѣхъ 4-хъ томахъ изданія.

Что касается редакціи изданія, то достаточною порукою служитъ имя В. И. Шенрока, справедливо считающагося теперь самымъ компетентнымъ знатокомъ текста соч. Гоголя и самымъ глубокимъ изслѣдователемъ матеріаловъ для его біографіи.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Гоголя и нѣкоторыя еще нигдѣ не напечатанныя. По своему объему оно почти вдвое больше прежняго изданія—Кулишовскаго. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ письма проверены по подлинникамъ, полученнымъ редакторомъ отъ родного племянника Гоголя, по письмамъ, хранящимся въ нашихъ музеяхъ и у частныхъ лицъ. Порядокъ распредѣленія писемъ въ изданіи—строго хронологическій, дающій возможность прослѣдить постепенное развитіе духовной жизни Гоголя.

Изящно изданные четыре тома въ 8-ю долю листа (2253 страницы), отпечатанные на хорошей бумагѣ красивымъ, весьма четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1901 г.

Цѣна за четыре тома 6 руб., съ перес. 7 руб. Въ четырехъ красивыхъ коленкорovýchъ перешлесахъ 7 р. 60 коп., съ перес. 8 р. 60 коп.

Н. Гоголь.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 46 рисунками **И. Э. ХРАБРОВА.**

(Собственн. **А. Ф. МАРКСА.**)

Допущено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1901 года.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

ослѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа *). Морозило

*) Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу, или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за Бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто

сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложить добрый человѣкъ, въ воскресный день, въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ,—у него своя волость. А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестяли. Вдругъ, съ противной стороны, по-

это знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Пршлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однакожь, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

Замѣчаніе насичника.

казалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой

Вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ (стр. 4).

брички, и тогда бы не распозналъ, что́ это такое. Среди совершенно нѣмецъ *): узенькая, безпрестанно вер-

*) Нѣмцемъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или цесарецъ, или шведъ—все нѣмецъ.

Чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу (стр. 6).

тѣвшаяся и нюхавшая все, что ни понадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пяточкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ козачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернской страпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернской страпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжить онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку

схватить его; но вдруг отдернулъ се назадъ, какъ бы обжегшись, сосалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожь, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ

Кузнецъ Вакула.

онъ обѣими руками мѣсяць: кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огонь для своей люльки; наконецъ, поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ

мѣсяць. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяць, ни съ того, ни съ сего, танцевалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое незаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый козакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутю, гдѣ будутъ: голова, прїѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, козакъ Свербыгузь и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ куты, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстнаго. А между тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ

Картина, намалеванная на стѣнѣ церковной (стр. 8).

во всемъ околоткѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л...ко вызывалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить дощатый заборъ около его дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе козаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человекъ и писалъ часто образа святыхъ: и теперь еще можно найти въ Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ

святого Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выскивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнеца свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяць, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ-ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, несмотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяць, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другого. Прежде, бывало,

Тутъ чортъ, подѣхавши мелкимъ бѣсомъ,
подхватилъ ее подъ руку... (стр. 9)

жилеть изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда это люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура—взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Оома Григорьевичъ, мерзость-мерзостью, однакожь и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

«Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дѣяка въ новой хатѣ?» говорилъ козакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей

избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупѣ мужику съ обросшею бородою, показавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики бреютъ свою бороду, за неимѣніемъ бритвы. «Тамъ теперь будетъ добрая попойка!» продолжалъ Чубъ, ослабивъ при этомъ свое лицо. «Какъ бы только намъ не опоздать!»

Козакъ Чубъ.

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... «Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панась!»...

«Что?» произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

«Какъ, что? Мѣсяца нѣтъ!»

«Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца».

«То-то, что нѣтъ!» выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою

„Какъ, что? Мѣсяца нѣтъ!“ (стр. 11).

досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. «Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ».

«А что мнѣ дѣлать?»

«Надобно же было», продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы, «какому-то дьяволу — чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить! — вмѣшаться!.. Право, какъ будто на смѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь—чудо! Свѣтло, снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь, и вотъ, хоть глаза выколи! [Чтобъ ему переломались объ черствый гречаникъ всѣ зубы!]

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между тѣмъ, въ то же время, раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидѣлъ уже и голова, и прѣзжій басъ, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія штуки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ козакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бы былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

«Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?»

«Нѣтъ».

«Чудно, право! А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?»

«Кой чортъ, славный!» отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами: «старая курица не чихнетъ!»

«Я помню», продолжалъ все такъ же Чубъ: «мнѣ покойный шинкаръ Зузуля разъ привезъ табакъ изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! Добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? Вѣдь темно на дворѣ».

«Такъ, пожалуй, останемся дома», произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ будто что-то дергало идти наперекоръ. «Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! Нельзя, нужно идти!»

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь, но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть-ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи, — и два кума отправились въ дорогу.

Оксана.

еперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица-дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила

не въ плахтѣ и запаскѣ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу своенравную красавицу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

«Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?» говорила она, какъ бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболтать съ собою. «Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!»

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо, съ блестящими черными глазами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

«Развѣ черныя брови и очи мои», продолжала красавица, не выпуская зеркала: «такъ хороши, что уже рав-

„Лгутъ люди, я совсѣмъ не хороша!“ (стр. 15).

ныхъ имъ вѣтъ и на свѣтѣ? Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ къверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? Будто хороши мои черныя косы? Ухъ, ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевилились и обвилились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша!» И, отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: «Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости. Онъ зацѣлуетъ меня на смерть».

«Чудная дѣвка!» прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ. «И хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалить себя вслухъ!»

«Да, парубки, вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня», продолжала хорошенькая кокетка: «какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучший молодецъ на свѣтѣ». И, усмѣхнувшись, повернулась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось и такъ было неизобразимо-хорошо, что расцѣловать ее миллионъ разъ,—вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

«Зачѣмъ ты пришелъ сюда?» такъ начала говорить Оксана. «Развѣ хочется, чтобы я выгнала тебя за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Вмигъ

Поворотилась она въ другую сторону и увидѣла вужнеца (стр. 16).

пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?»

«Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около него: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы. За то ни у

одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку положилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь сколотокъ выходи своими

бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!»

«Кто-жъ тебѣ запрещаетъ? Говори и гляди!»

Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

«Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!» сказалъ кузнецъ.

«Садись», проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

«Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя!» произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцѣлуй. Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ губъ кузнеца, и оттолкнула его.—«Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медь, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ своею сажею».

Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

«Не любить она меня!» думалъ про себя, повѣся голову, кузнецъ. «Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любитъ сама собою; мучить меня бѣднаго, а я за грустью не вижу свѣта. А я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить».

«Правда ли, что твоя мать вѣдьма?» произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо вострепнувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

«Что мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если-бъ меня призвалъ царь и сказалъ: «Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу», сказалъ бы я царю, «ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мнѣ лучше мою Оксану!»

«Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!» проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. «Однакожь дѣвчата не приходятъ... Что бъ это значило? Давно уже пора колядовать, мнѣ становится скучно».

«Богъ съ ними, моя красавица!»

«Какъ бы не такъ! Съ ними, вѣрно, придутъ гарубки. Тутъ-то пойдутъ балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!»

«Такъ тебѣ весело съ ними?»

«Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А! кто - то стукнулъ; вѣрно, дѣвчата съ парубками».

«Чего мнѣ больше ждать?» говорилъ самъ съ собою кузнецъ. «Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если-жъ такъ, не достанется по крайней мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе моего, я отучу...»

Стукъ въ дверь и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: «отвори!» прервалъ его размышленія.

«Постой, я самъ отворю», сказалъ

Чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое... (стр. 21).

кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено, однакожь, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки къверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что

Вѣдьма спустилась по воздуху... и прямо въ трубу (стр. 21).

онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но, увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшки, которые лежали посреди хаты, выѣзла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она за минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отъ роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно

и быть хорошею въ такіе годы. Однакожь она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ козакъ (которымъ, не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и козакъ Корній Чубъ, и козакъ Касьянъ Свербыгузь. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что

у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворянинъ, какъ называютъ себя козаки, одѣтый въ кобенякъ съ видлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ,—какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сметаною варениковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И

Мать кузнеца Вакулы.

дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это—заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою за-паскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго кры-лоса, то дьякъ уже, вѣрно, закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза; голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и говорилъ стоявшему близъ его сосѣду: «Эхъ, добрая баба! чортъ-баба!» Со-лоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ ко-закомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ. Восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ во-ловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ пле-тенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму—корову, или дядю—толстаго быка. Бо-родатый козелъ взбирался на самую крышу и дребез-жалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору пидѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей—мальчишекъ, издѣ-вавшихся надъ его бороною. Въ сундукахъ у Чуба во-дилось много полотна, жуановъ и старинныхъ кунту-шей съ золотыми галунами: покойная жена его была ще-голиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечни-ковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ нивы табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ сво-ему хозяйству, заранѣ размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удво-ивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы, ка-кимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и то-гда бы, навѣрно, не допустилъ ее мѣшаться ни во что,

она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ—ссорить, какъ можно чаще, Чуба съ кузнецомъ. Можетъ-быть, эти самыя хитрости и смѣлливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо, когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма; что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу; что къ попадѣвъ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ...

Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тымингъ Коростявый. Онъ не преминулъ рассказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала донть коровъ, а онъ не могъ пошевелинуться—такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И оттого всѣ именитые козаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. «Брешутъ, сучи бабы!» бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: «это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ!» Чортъ, между тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Вмигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло.

Свѣтъ метался взадъ и впередъ сѣткою и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и, навѣрное, отпощуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Путешественники повернули назадъ (стр. 26).

Въ самомъ дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощаль побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. Дядяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники повернули назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ, но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

«Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ», сказалъ, немного отошедши, Чубъ. «Я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону, — не найдешь-ли дороги, а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана»

Дороги, однакожь, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и, наконецъ, набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, страхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, нимало не беспокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но, видя, что кумъ не является, рѣшился идти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около нея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

«Чего тебѣ тутъ нужно?» сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. «Э, нѣтъ, это не моя хата», говорилъ онъ про себя: «въ мою хату не забредеть кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вотъ на! не распозналъ! Это хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожь Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю. Зачѣмъ же кузнецъ?... Э, ге, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! Хорошо!... Теперь я все понялъ».

«Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями?» произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

«Нѣтъ, не скажу ему, кто я», подумалъ Чубъ: «чего добраго, еще приколотить проклятый выродокъ!» И перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: «Это я, человекъ добрый! Пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подь окнами».

«Убирайся къ чорту съ своими колядками!» сердито закричалъ Вакула. «Что-жь ты стоишь? Слышишь! Убирайся сей же часъ вонъ!»

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подь руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекорь. «Что-жь ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричался?» произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ. «Я хочу колядовать, да и полно!»

«Эге! да ты, какъ вижу, отъ словъ не уймешься!» Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольной ударъ въ плечо.

«Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!» произнесъ онъ, немного отступая.

«Пошелъ, пошелъ!» кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

«Что-жь ты!» произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость. «Ты, я вижу, не въ шутку дерешься, и еще больно дерешься!»

«Пошелъ, пошелъ!» закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

«Смотри, какъ расхрабрился!» говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. «Попробуй, подойди! Вишь какой! Вотъ большая пята. Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо до комиссара. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однакожь, посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно-быть, больно поколотилъ вражій сынъ. Жаль, что холодно и не хочется скидать кожу. Пстой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ

«Эге! да ты, какъ вижу, отъ словъ не уймешься!» (стр. 28).

чортъ поколотилъ и тебя, и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! Однакожь, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм... Оно вѣдь недалеко отсюда—пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!»

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, не заглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакожь, снѣгъ не крестилъ назадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: «Больно поколотилъ проклятый кузнецъ!» и снова отправлялся въ путь.

ь то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и истомъ снова въ трубу, висѣвшая у него на перевязи при боку ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяць, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяць, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ чрезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось. Метели какъ не бывало. Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами. Морозъ какъ бы потеплѣлъ. Толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками. Пѣсни зазвенѣли и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блестятъ мѣсяць! Трудно рассказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горять щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, рассказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили рассказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паланицами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

«Э, Одарка!» сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ: «у тебя новые черевки. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человекъ, который все тебѣ покупаетъ, а мнѣ некому достать такіе славные черевки».

«Не тужи, моя ненаглядная Оксана!» подхватилъ кузнецъ: «я тебѣ достану такіе черевки, какіе рѣдкая панночка носитъ».

«Ты?» сказала Оксана, скоро и надменно поглядѣвъ на него. «Посмотрю я, гдѣ ты достанешь такіе черевки, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самыя, которые носитъ царица».

«Видишь, какихъ захотѣла!» закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

«Да!» продолжала гордо красавица: «будьте всѣ вы свидѣтельницы: если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самыя черевки, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ».

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

«Смѣйся, смѣйся!» говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. «Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу надумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ, — ну, Богъ съ ней! Будто только на всемъ свѣтѣ одна

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую
веселость (стр. 32).

Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Штъ, полно! Пора перестать дурачиться».

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ передъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: «Достань, кузнецъ, царицны черевки, выйду за тебя замужъ!» Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи: цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправить прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею заодно. Она-таки любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи. Этотъ вечеръ, однакожь, думала провести одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только-что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался стукъ и голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, рассказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель; а, увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провести вечеръ съ нею.

Чортъ не на шутку разнѣжился у Солохи... (стр. 34).

Голова стряхнулъ со своихъ капелюхъ
снѣгъ... (стр. 34).

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка. «Спрячь меня куда - небудь», шепталь голова: «мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ».

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ, выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ: уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзь съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, побряхтывая и потирая руки, и разсказаль, что у него не былъ никто,

и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся своими длинными пальцами ея обнаженной, полной руки и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство, и самодовольствіе: «А что это у васъ, великолѣпная Солоха?» И, сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

«Какъ что? рука, Осипъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха.

«Гм! рука! Хе, хе, хе!» произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

«А это что у васъ, дражайшая Солоха?» произнесъ

«А что это у васъ, великолѣпная Солоха?» (стр. 36).

онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

«Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха: «шея, а на шеѣ монисто».

«Гм! на шеѣ монисто! Хе, хе, хе!» и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

«А это что у васъ, несравненная Солоха?..» Незвѣстно, къ чему бы теперь притронулся [сладострастный] дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался въ дверь стукъ и голосъ козака Чуба.

«Ахъ, Боже мой, стороннее лицо!» закричалъ въ испугъ дьякъ. «Что теперь, если застанутъ особу моего званія?... Дойдетъ до отца Кондрата...»

Но опасенія дьяка были другого рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. «Ради Бога, добродѣтельная Солоха!» говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: «ваша доброта! какъ говоритъ писаніе Луки, глава трина... трина... Стучатся, ей Богу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь».

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и неслишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

«Здравствуй, Солоха!» сказалъ, входя въ хату, Чубъ. «Ты, можетъ-быть, не ожидала меня, а? Правда, не ожидала? Можетъ-быть, я помѣшалъ?..» продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку. «Можетъ-быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!.. Можетъ-быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?» И восхищенный такимъ за-

мѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностью Солохи. «Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго морозу. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... Экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! Какъ схватилась выюга...»

«Отвори!» раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

«Стучить кто-то», сказалъ остановившійся Чубъ.

«Отвори!» закричали сильнѣе прежняго.

«Это кузнецъ!» произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ. «Слышишь, Солоха: куда хочешь, дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ конну величпною!»

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ. Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда свѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно было, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворяла за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ козакъ Свербыгузь. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти нигдѣ. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха повела его въ огородъ, чтобы выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся по селу пѣсни колядующихъ; наконецъ, остановилъ глаза на мѣшкахъ. «Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ еще лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!»

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было икать довольно явственно.

«Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана?» говорилъ кузнецъ. «Не хочу думать о ней; а все думается, и, какъ нарочно, о ней одной только. От-

чего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ! Мѣшки стали какъ будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову, а теперь мѣшковъ съ углемъ не подыму. Скоро буду отъ вѣтра валиться...» «Нѣтъ!» вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись. «Что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ

Онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню (стр. 41).

собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ—всѣ подыму». И бодро взвалилъ себѣ на плеча мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. «Взять и этотъ», продолжалъ онъ, подымая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ. «Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой». Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мини съ жинкой не возиться.

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни, хохоть и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ козаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрыкъ, ведрыкъ!
Дайте вареникъ!
Грудочку кашки!
Кильце ковбаски!

Хохоть награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи (которая однѣ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! И еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Кузнецъ остановился со своими мѣшками. Ему почу-

дился въ толпѣ дѣвушекъ глосъ и тоненькїи смѣхъ Оксаны. Всѣ жили въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ что находившїйся надѣ дьякъ захохотъ ушиба и голова икнулъ во все горло, побрель онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ „Ну, много наколядовалъ?“
вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою, между которою ему послышался глосъ Оксаны.

(стр. 42).

«Такъ, это она! Стоитъ, какъ царица, и блеститъ черными очами. Ей рассказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется». Какъ будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ около нея.

«А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!» сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума. «Ну, много наколядовалъ? Э, да какой маленькїи мѣшокъ! А черевки, которые носитъ царица, досталъ? Достань черевки, выйду за тебя замужъ...» И, засмѣявшись, убѣжала съ толпою дѣвушекъ.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ.

«Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше...» произнесъ онъ, наконецъ. «Но, Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя. Пора положить конецъ всему. Пронадай душа! Пойду утоплюсь въ пролубѣ, и поминай, какъ звали!»

Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догнавъ толпу дѣвчатъ, поровнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ: «Прощай, Оксана! Ищи себѣ, какого хочешь, жениха, дурачь, кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ».

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукой и убѣжалъ.

«Куда, Вакула?» кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца.

«Прощайте, братцы!» кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ. «Дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте! Не помпайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ, на церковь. Прощайте!»

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

«Онъ повредился!» говорили парубки.

«Пронадшая душа!» набожно пробормотала проходившая мимо старуха: «пойти рассказать, какъ кузнецъ повѣсился!»

Вакула, между тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевести духъ. «Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу?» подумалъ онъ: «какъ будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу Пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаеть, что захочеть. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!»

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшокъ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, встряхнувъ его на плечахъ, отправился къ Пузатому Пацюку.

Этотъ Пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорож-

Пузатый Пацюкъ.

цемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ, и пятнадцать, какъ онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожець: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей, и выпивалъ за однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Па-

цюкъ, несмотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ же шаровары, которые носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ-быть, это самое подало поводъ прозвать его Пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью, Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отпавлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому

горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причиною этому была, можетъ-быть, лѣнь, а можетъ и то, что пролѣзть въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отпра- вляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, по-турецки, передъ небольшою кадучкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебаль жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

«Нѣтъ, этоть», подумалъ Вакула про себя, «еще лѣнивѣе Чуба: тотъ, по крайней мѣрѣ, ѣсть ложкою, а этоть и руки не хочетъ поднять!»

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

«Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!» сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

«Ты, говорятъ, не во гнѣвъ бѣдъ сказано»... сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ: «я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанести какую обиду, — приходишься немного съ родни чорту».

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадучку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь... (стр. 45).

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать: «Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ. Дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!» (Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово: въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику дощатый заборъ). «Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! Ничто не поможетъ мнѣ на свѣтѣ! Что будетъ, то будетъ. Приходится просить помощи у самого чорта. Что-жъ, Пацюкъ», произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе, «какъ мнѣ быть?»

«Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!» отвѣчала Пацюкъ, не подымая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

«Для того-то я и пришелъ къ тебѣ», отвѣчала кузнецъ, отвѣшивая поклонъ: «кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги».

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальные галушки. «Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!» наступала кузнецъ. «Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть на дорогу къ нему?»

«Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами», произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски: одна была наполнена варениками,

другая сметаню. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ», говорилъ онъ самъ себѣ: «какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя: нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану».

Только-что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на вареники и еще сильнѣе разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаню. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бывають на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣчая притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

«Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! Вѣдь сегодня *голодная кутья*, а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!...» И набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожь чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и съѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: «Это я, твой другъ; все съѣлаю

для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь», пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо. «Оксана будетъ сегодня же наша», шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

«Изволь», сказалъ онъ, наконецъ: «за такую цѣну готовъ быть твоимъ!»

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шею кузнеца. «Теперь - то попался кузнецъ!» думалъ онъ про себя: «теперь-то вымещу я на тебѣ, голубчикъ, всё твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села чело-вѣкъ въ моихъ рукахъ?»

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромою чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

«Ну, Вакула!» пропищалъ чортъ, все такъ же, не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: «ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.»

Чортъ выскочилъ и сѣлъ верхомъ ему на шею (стр. 48).

«Я готовъ!» сказалъ кузнецъ. «У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!»

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку—и хватъ чорта за хвостъ.

«Вишь, какой шутникъ!» закричалъ, смѣясь, чортъ: «ну, полно, довольно уже шалить!»

«Постой, голубчикъ!» закричалъ кузнецъ. «А вотъ это какъ тебѣ покажется?» При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. «Постой же», сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: «будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ».

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простоналъ чортъ: «все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаянье: не клади на меня страшнаго креста!»

«А, вотъ какимъ голосомъ зашѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! Слышишь? Да несись, какъ птица!»

«Куда?» произнесъ печальный чортъ.

«Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!» И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

олго стояла Оксана, раздумывая о страшных рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. «Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! Можетъ-быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую, и съ досады станетъ называть ее первою

красавицею на селѣ? Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалить, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ, вѣрно, придетъ поглядѣть на меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ будто нехотя, поцѣловать себя. То-то онъ обрадуется!» И вѣтреная красавица уже шутила со своими подругами.

«Постойте», сказала одна изъ нихъ: «кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите, какіе страшные мѣшки! Онъ не по-нашему наколядовалъ; я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться».

«Это кузнецовы мѣшки?» подхватила Оксана: «утащимъ скорѣе ихъ хоть ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда накласть».

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

«Но мы не поднимаемъ ихъ!» закричала вся толпа вдругъ, слясь сдвинуть мѣшки.

«Постойте», сказала Оксана: «побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!»

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ быть, онъ нашель бы средство и вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка потряхивая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но, какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, рассуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ-быть, и другую; вылѣзши же, нужно оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ—сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ. Въ то время, когда дѣвчата убѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ. Онъ хотѣлъ было дожидаться въ шинкѣ, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но, какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью среди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревянномъ сердцѣ жидовки,

продающей вино, кумъ набрель на мѣшки и остановился въ изумленіи. «Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ!» сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ. «Должно-быть, тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре*; хотя бы были тутъ однѣ паляницы, и то *въ шмакъ*: жиловка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ».

Кумъ набрель на мѣшки...
(стр. 53).

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плечи мѣшокъ съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. «Нѣтъ, одному будетъ тяжело несть», проговорилъ онъ. «А вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко. Здравствуй, Остапъ!»

«Здравствуй», сказалъ, остановившись, ткачъ.

«Куда идешь?»

«А такъ; иду, куда ноги идутъ».

«Помоги, человекъ добрый, мѣшки снести! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посреди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ».

«Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки: съ книшами или паляницами?»

«Да, думаю, всего есть».

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

«Куда-жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?» спросилъ дорогою ткачъ.

«Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ; да вѣдь

Кумъ и ткачь положили мѣшокъ и понесли на плечахъ (стр. 53).

проклятая жидовка не по-вѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома».

«Да точно ли ея нѣтъ дома?» спросилъ осторожный ткачь.

«Слава Богу, мы не совсѣмъ еще безъ ума», сказалъ кумъ: «чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта».

«Кто тамъ?» закричала

кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь хаты.

Кумъ остолбенѣлъ.

«Вотъ тебѣ на!» произнесъ ткачь, опуствя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ со своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостного писаря; крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякій, выходявшій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ надеждѣ, что бу-

деть проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа, и часто самоуправно отнимала у него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однакожь мѣшокъ замѣтила. «Вотъ это хорошо!» сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба. «Это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!»

«Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы», сказалъ, пріосанясь, кумъ.

«Тебѣ какое дѣло?» сказалъ ткачъ: «мы наколядовали, а не ты».

«Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!» вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворнохватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ и уже стояла возлѣ мѣшка.

«Что мы допустили ее?» сказалъ ткачъ, очнувшись.

«Э, что мы допустили! А отчего ты допустилъ?» сказал хладнокровно кумъ.

«У васъ кочерга, видно, желѣзная!» сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачъ, почесывая спину. «Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы: та ничего... не больно...»

Между тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись. «Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!» вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

«Кабанъ! Слышишь: цѣлый кабанъ!» толкала ткачъ кума: «а все ты виновать!»

«Что-жь дѣлать!» произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

«Какъ что? чего мы стоимъ? Отнимемъ мѣшокъ! Ну, приступай!»

«Пошла прочь! пошла! Это нашъ кабанъ!» кричала, выступая, ткачъ.

«Ступай, ступай, чортова баба! Это не твое добро!» говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылезъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человекъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

«Что-жь она, дура, говорить: кабанъ! Это не кабанъ!» сказалъ кумъ, выпучивъ глаза.

«Видишь, какого человекъ кинуло въ мѣшокъ!» сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. «Хоть, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!»

«Это кумъ!» вскрикнулъ, взглянувъ на кума, кумъ.

«А ты думалъ кто?» сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. «Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось,

Чубъ въ это время выльзъ изъ мѣшна... (стр. 56).

хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Пойдите же, я васъ пораду: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или пная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось».

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы самъ дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

«Вотъ и другой еще!» вскрикнулъ со страхомъ ткачъ. «Чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... Голова идетъ кругомъ... Не колбасъ и не паляницъ, а людей кидаютъ въ мѣшки!»

«Это дьякъ!» произнесъ, изумившійся болѣе всѣхъ, Чубъ. «Вотъ тебѣ на! ай да Солоха! Посадить въ мѣшокъ... То-то, я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человекъ. А я думалъ, что она только мнѣ одному... Вотъ тебѣ и Солоха!»

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка. «Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого», лепетала Оксана. Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки.

Голова рѣшился молчать, рассуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ, глупыя дѣвчата разбѣгутся: подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, — и онъ останется на улицѣ, можетъ-быть, до завтра.

Всѣ принялись за мѣшокъ... (стр. 58).

«Вот и другой еще!» (стр. 58).

Дѣвушки, между тѣмъ, дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрипучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шая, сѣли на санки; другія взбирались даже на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ, пріѣхали, отворили настежь двери въ сѣняхъ и хатѣ, и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

«Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ», закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

«Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!» закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

«Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ уторѣлыя?» сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

«Ай, батько!» произнесла Оксана: «въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!»

«Въ мѣшкѣ? Гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?»

«Кузнецъ бросилъ его посреди дороги», сказали всѣ вдругъ.

«Ну, такъ; не говорилъ-ли я?..» подумалъ про себя Чубъ. «Чего-жъ вы испугались? посмотримъ.—А ну-ка, чоловіче,—прошу не погнаѣвиться, что не называемъ по имени и отчеству,—вылѣзай изъ мѣшка!»

Голова вылѣзъ.

«Ахъ!» вскрикнули дѣвушки.

«И голова влѣзъ туда-жъ», говорилъ про себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ. «Вишь какъ!.. Э!..» Болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что начать. «Должно-быть, на дворѣ холодно?» сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

«Морозецъ есть», отвѣчалъ Чубъ. «А позволъ спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ или дегтемъ?» Онъ хотѣлъ не то сказать; онъ хотѣлъ спро-

силь: «какъ ты голова, залѣзь въ этотъ мѣшокъ?» но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

«Дегтемъ лучше», сказалъ голова. «Ну, прощай, Чубъ!» II, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

«Для чего спросилъ я сдуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги!» произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ голова. «Ай да Солоха! этакого человѣка засадить въ мѣшокъ!.. Вишь, чортова баба! А я дуракъ... Да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?»

«Я кинула его въ уголь, тамъ больше ничего нѣтъ», сказала Оксана.

«Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее— какъ святая, какъ будто и скромнаго никогда не брала въ ротъ!..»

Но оставимъ Чуба изливать на досугъ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, особливо когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакожь, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. [Его забавляло до крайности, какъ чортъ чихалъ и кашлялъ, когда онъ снималъ съ шеи кинарисный крестикъ и подносилъ къ нему. Нарочно поднималъ онъ руку почесать голову, а чортъ, думая, что его собираются крестить, летѣлъ еще быстрее]. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ

И вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ.
Стр. 63).

кучу, играли въ жмурки; какъ клубился въ сторонѣ, облакомъ, цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только-что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... Много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потсмъ снова несло далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ среди улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; свѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными планками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, достигая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненные очи и глядѣли. Господь, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ. «Я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно комиссары, а, можетъ, еще и больше». Его слова прерваны были вопросомъ чорта: «Прямо ли ѣхать къ царицѣ?» — «Нѣтъ, страшно», подумалъ кузнецъ. «Тутъ,

гдѣ-то, не знаю, пристаи запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посоветоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!»

И чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ.

Запорожцы сидѣли на шелковѣхъ диванахъ, поджавши подъ себя намазанные дегтемъ сапоги... (стр. 65).

А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, взошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые

проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавши подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

«Здравствуйте, панове! Помогай Богъ вамъ, вотъ гдѣ увидѣлись!» сказалъ кузнецъ, подошедши близко и отвѣсивши поклонъ до земли.

«Что тамъ за человекъ?» спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

«А вы не узнали?» сказалъ кузнецъ. «Это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтїя, у меня безъ малаго два дня. И новую шину тогда поставилъ на переднее колесо у вашей кибитки!»

«А!» сказалъ тотъ же запорожець: «это тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?»

«А такъ, захотѣлось поглядѣть; говорить...»

«Что-жь, землякъ», сказалъ, прїосанясь, запорожець, и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски: «што, балшой городъ?»

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. «Губернїя знатная!» отвѣчалъ онъ равнодушно: «нечего сказать, дома балшущіе, картины висять скрозь важныя. Многіе дома писаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!»

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

«Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше: теперь же мы ѣдемъ сейчасъ до царицы».

«До царицы? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!»

«Тебя?» произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь. «Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно».—При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина. «Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое».

«Возьмите!» настаивалъ кузнецъ. «Проси!» шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не успѣвъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ: «Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!»

«Пожалуй, возьмемъ!» произнесли другіе.

«Надѣвай же платье такое, какъ и мы».

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человекъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда понесся онъ въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

«Боже ты мой, какой свѣтъ!» думалъ про себя кузнецъ: «у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вышли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно освѣщенную лѣстницу.

«Что за лѣстница!» шепталъ про себя кузнецъ: «жаль ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ, говорятъ: лгутъ сказки! Кой чортъ лгутъ! Боже ты мой! что за перила! Какая работа! Тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!»

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетъ.

Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

«Что за картина! что за чудная живопись!» разсуждалъ онъ. «Вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! А краски! Боже ты мой, какія краски! Тутъ вохры, я думаю, и на конѣйку не пошло, все ярь да баканъ. А голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должно-быть, грунтъ наведенъ былъ самымъ дорогимъ блейвасомъ. Сколь однакожь ни удивительно сіе малеваніе, но эта мѣдная ручка», продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ: «еще бѣльшаго достойна удивленія. Экъ какая чистая выдѣлка! Это всё, я думаю, нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія цѣны, дѣлали...»

Можетъ-быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ вѣрно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человекъ въ гетьманскомъ мундирѣ, въ желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немножко кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спесиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетьманъ не обратилъ даже и вниманія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

«Всѣ ли вы здѣсь?» спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

«*Та вси, батько!*» отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

«Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!»

«Нѣтъ, батько, не позабудемъ».

«Это царь?» спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

«Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ», отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ слышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ, съ длинными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назадъ. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: «Помилуй, мамо! помилуй!»

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

«Встаньте!» прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

«Не встанемъ, мамо! не встанемъ! Умремъ, а не встанемъ!» кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ, подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

«Свѣтлѣйшій обѣщаль меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала», говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ. «Хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?» продолжала она, подходя ближе.

«*Та спасибѣ, мамо!* Провіантъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьѣ,—почему-жъ не жить какъ-нибудь?..»

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ...

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: «Помилуй, мамо! Чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвилъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣняли тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что-жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію чрезъ Перекопъ и помогло твоимъ генераламъ порубать крымцевъ?..»

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брильянты, которыми были унижены его руки.

«Чего же хотите вы?» заботливо спросила Екатерина. Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите!» сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевички, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевички!»

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ и хмурился, и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

«Встань!» сказала ласково государыня. «Если такъ тебѣ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самыя дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ», продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ: «предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!»

«Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ!» отвѣчалъ, поклонясь, человекъ съ перламутровыми пуговицами.

«По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однакожь», продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ: «я слышала, что на Сѣчѣ у васъ никогда не женятся».

«Якъ же, мамо! Вѣдь человекъ, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить», отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ. «Хитрый народъ!» подумалъ онъ самъ въ себѣ: «вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ».

«Мы не чернецы», продолжалъ запорожецъ, «а люди грѣшныя. Падки, какъ и все честное христіанство, до скромнаго. Есть у насъ не мало такихъ, которые имѣ-

«Встань!» сказала ласково государыня (стр. 70).

ють женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчѣ. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украинѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турещинѣ».

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

«Боже ты мой, что за украшеніе!» вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки. «Ваше царское величество! что-жь, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чайтельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзаться*, какія-жь должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахара».

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ похвастаться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благослоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать. И, когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчѣ, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «выноси меня отсюда скорѣй!» и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

«Утонулъ! ей Богу, утонулъ! Вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!» лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканьскихъ бабъ, посреди улицы.

«Что-жь, развѣ я лгунья какая? Развѣ я у кого-нибудь корову ukrала? Развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры?» кричала баба въ козацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками. «Вотъ, чтобы

мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!»

«Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на!» сказала голова, вышедшій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

«Скажи лучше, чтобъ тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!» отвѣчала ткачиха. «Нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! утонулъ въ пролубѣ! Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки».

«Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать!» гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ. «Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ».

Ткачиха вспыхнула.

«Что дьякъ? къ кому дьякъ? Что ты врешь?»

«Дьякъ?» пропѣла, тѣсясь къ ссорившимся, дьячиха, въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой. «Я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ: дьякъ?»

«А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!» сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

«Такъ это ты, сука», сказала дьячиха, пятась, подстуная къ ткачихѣ: «такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?»

«Отвяжись отъ меня, сатана!» говорила, пятась, ткачиха.

«Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть! Негодная! Тьфу!» Тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла и себѣ сдѣлать то же, но, вмѣсто того, плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

«А, скверная баба!» закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись, съ ругательствами, въ разныя стороны. «Экая мерзость!» повторялъ голова, продолжая обтираться. «Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой! А какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Чтò за сила была! Да», продолжалъ онъ, задумавшись: «такихъ людей мало у насъ на селѣ. Тò-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..» И, будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти. Она мало вѣрила глазамъ Переперчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но чтò, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ-ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы... Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, приутихнувъ, рѣшалась ни объ чемъ не думать—и все думала. И вся горѣла, и къ утру влюбилась по-уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна

народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ, съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями и только-что выбритыми подбородками, всѣ бѣльшею частію въ кобенякахъ, изъподъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, виденъ былъ праздникъ. Голова заранѣе облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли объ томъ, какъ онѣ будутъ *ковзаться* съ хлопцами на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ козакъ Свербыгузь клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали въ глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозрѣвали, чтобы виною былъ кузнецъ. Однакожь, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ — какъ будто не праздникъ, что какъ будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжіи пѣвчіи славно брали басомъ, но куда бы лучше было, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли «Отче нашъ» или «Иже херувимы», всходилъ на крыло и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ

исправлялъ должность церковнаго титара. Уже отошла заутреня; послѣ заутрени отошла обѣдня... Куда-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, запропастился кузнецъ?

Еще быстрее въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула около своей хаты. Въ это время пропѣлъ шѣтухъ.

«Куда?» закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта. «Постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя».

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпарилъ засѣдатель. И такъ, вмѣсто того, чтобы провестъ, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко. «Я проспалъ заутреню и обѣдню!»

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ

сонъ, который не даль даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но, однакожь, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся, какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку рѣшетилловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому-ли, что кузнецъ воскресъ, тому-ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему притти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ передъ нимъ новѣхонькую шапку и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: «Помилуй, батько! не гнѣвись! Вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ. Отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только. Ты-жь, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и магарычъ пили».

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, стибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ теперь у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ

ею три раза по спинѣ. «Ну, будетъ съ тебя, вставай! Старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами. Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?»

«Отдай, батько, за меня Оксану!»

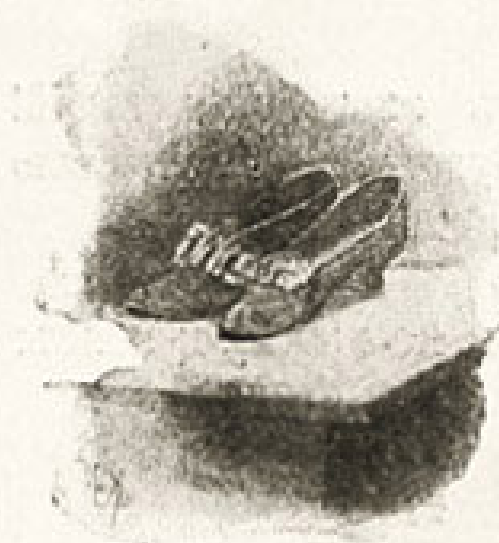
Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ:

„Ну, будетъ съ тебя, вставай!“ (стр. 79).

шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: «Добре! присылай сватовъ!»

«Ай!» вскрикнула Оксана, переступая черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи.

Черевикъ.

«Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевикъ!» сказалъ Вакула: «тѣ самыя, которые носитьъ царица».

«Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!» говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: «я и безъ черевиковъ»... Далѣе она не договорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

«А чья это такая размазанная хата?» спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

«Кузнеца Вакулы!» сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

«Славно! славная работа!» сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна

„Онъ бачъ, яка яка намалевана!“
(стр. 82).

Красавица и очи потупила (стр. 80).

всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были козаки на лошадяхъ, съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ пресвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крылосъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однакожь, не все. На стѣнѣ сбоку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: *«онъ бачъ, яка кака намалевана!»* И дитя, удерживая слезѣнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

